

ТЕНГИЗ ГУДАВА

ДЕМОН УКОРА

ПОЭМА

© Тенгиз Гудава
© «Im-Werden-Verlag», 2002

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

Ночь.
Свет тускл
От лампы над дверью.
Глазок кругл.
Стены бесчувственны,
И сжата
Загнанным в угол зверем
Душа,
Как под дулом автомата.

Лежат
Ни живы, ни мертвы
Чучела вещей,
И вещь моего тела,
Приготовленного к расстрелу.
Черный плащ
На вешалке.
Пайка на полке.
Руки на простыне.
Тени на серой стене.

Ночь.
Камера одиночная.
Бессонница
За мною гонится.
И я в бреду
Веду
С ней тяжбу, —
Ночь каждую.

Говорю стене, говорю,
Стене холодной, безликой.
Камню и кирпичу
Кричу, шепчу
Свое горе.
И горю
В горячке
И параличе
Бессильного крика.

Бессонница, бессмыслица...
Я в них волчком закружился,
Когда мне явился
Демон Укора,
С лицом черным,
И глазами, устремленными
В самую глубь меня.

Он молвил: твоя вина!
Ты добровольно избрал
Удел сей жалкий.
Ты с палкой
Пожелал
На битву выйти со стеною
Необозримой толщи.
Чем больше
Бьешься в нее, —
Тем стенаешь
Горше.

Бездумно
Пошел ты на штурм
Металла,
И устал
Ждать от стены
Перемены.

Вот вопрошаешь:
Почему? Как?
Нет ничего, кроме крика?
Почему боль и тоска
Бьют набатом в виски,
И года
Из родника
Вытекают как вода
В никуда?

Ты бессмыслие судишь,
Меж тем,
Окинь взором мне этих стен
Свой путь, свою прыть!

Как пчела,
Примитивным инстинктом научена,
Чтоб выйти из плена сот,
Прогрызать пред собой в воске ход,
Пред бумажкой подставленной гибнет,
Не догадавшись ее обойти,

Так и ты!
Твердишь «нет!»
Обходному маневру,
Рвешь нервы,
А с ними всей жизни радости,
О слепую преграду;
Меж тем как преграды
Нерушимо целы...
Скажи: чем ты отличен от пчелы?

Или скажи, чем разум твой маститый
Отличен от пчелиного инстинкта?
И кто повинен, что на рожон
Бессмыслия влез ты, и им поражен?
Его ты обильно засеивал поле,
И вот урожай — бессмыслия доля!

Демон Укора, Демон Сожаленья,
Он проник в мою келью.
Он расселся на моих нарах железных,
Выплыв из бездны
Тайных и темных дум...
Он проник в мой ум.

Черный демон, черный, черный,
Он говорил мне речи ученые,
Распластав плащом крылья,
В скорбной моей келье,
Со мной говорил...

Предвижу твои возражения
Твои оправдания, знаю —
Я ль не властитель твоих всех признаний?
Мне ль не открыты движения
Твоей несчастной души?

Спрашиваешь:
Как же обойти насилие,
Избравшее тебя жертвой?
Как пересилить
Зло,
Снимающее жатву
На ниве твоих устремлений?

Говоришь: Нет двух мнений.
Когда враг ворвался в твой дом
И перевернул все вверх дном,
Все мечты и надежды,
Сорвал одежды
С твоего стыда...
Что же,
Ему сказать «да»?

Куда идти, в какой двор,
Когда в переулке вор
Вершит грабеж?
С кем говорить и спорить,

Когда нож
Прижат к горлу?
И какой искать выход-обход,
Когда насилие — вот?!

Уже ты меня называешь и трусом,
Полагая, что этим укусом
Сможешь заставить укоров вал
Вновь отойти в бессознания подвал...

Тщетно, брат! Сюда я вызван
Силой нездешней отнюдь не затем,
Чтобы поддавшись обиды капризу
Вмиг исчерпать глубину наших тем!

Так вот, говоришь ты, «насилие»...
И жертвой себя величаешь, борцом
Против оногo... принимаю посылку!
Но пред градом атак твоих пылких,
Поверь, не ударит Укор в грязь лицом!

Ответь: когда к стенке прижат ты плотно,
И нож — у горла, имеет ли смысл
На него нестись безотчетно?
Или досадовать на положение,
Что придавлен земным притяжением?

Что поделаться, коль есть закон,
Установленный свыше, — ты с ним знаком:
Во всем и повсюду к виску человека
Приставлено дуло необходимости; это
Разум обязан принять как должное,
А не лезть вон из кожи,
На то он и дан,
Чтоб примириться с законом нам.
И найти из тупика тот исход,
Что даст сохранить и себя и род.

Иное все ложно в былое и ныне,
Гибнуть без толку зовет лишь гордыня.
Жертвой ее именно будет тот,
Кто в погибель себе все ж вгрызается в плод.

Не за то ль осужден Люцифер,
И низвергнут был с высших сфер,
Что вопреки очевиднейшей силе,
Поднял главу из бессилия пыли?

Сила, Закон и Необходимость, —
Вот альфа и омега непобедимости!
Разум же их единичный полпред,
Дабы его носителю дать
Их нерушимости благодать
И избежать от незнания бед.

Ты же, друг мой, пренебрег его доводом,
И оправдание ищешь в поводе,
Дескать, тот довод тебе не мил...
Э, браток, кто ж тебе говорил,
Что должно приемлить только сладкое
За реальность и лишь украдкой
Бросать наш взор на то, что несет
Нам нежелательный груз невзгод?

Увы, в любом событии встречаемом
Надо признать его суть без отчаянья,
И найти ту единую нить,
Что на максимум нас отвратит
От горьких последствий и полного краха,
А не пытаться разбить одним махом
Громаду преграды рукою лишь голою,
И не кидаться в нее, сломя голову.

Предупреждая твои возражения,
Открою всю суть твоего положения:
Была у тебя иная возможность,
Кроме как крест нести этот ложный!
Ведь потому ныне смертные муки,
Что к избавленью не поднял ты руку.
Не влево, не вправо, а только прямо
Ломишься ты, как осел упрямый!

Скажешь, насилие не дает
Сделать шаг в сторону, а не вперед?
Нет, тут совсем в другом, видно, дело:
Гордец, одержимый преступной идеей
Переиначить закон на свой лад,
Сам обрекает себя на ад.

Нет, не нужда вас ведет на распятие
И в обратном тут весь искуc:
Гонят вас праздности сестры и братья —
Похоть мышленья и выпренный вкус!

И если на то уж пошел разговор,
Ты вовсе не жертва, а именно вор!
К тому, что в тебе заключают границы,
Ты вечно иное прибавить стремишься!

Вы — горстка безумцев на все времена.
На знамени вашем одни имена:
Презренье к Закону, Порядку и Строю,
Незыблемо писанным вечной рукою;
Порыв к тому, что не по плечу
Заведомо вам. Не могу, но хочу!

Во имя иллюзии приращения власти
Вы слепо несетесь с губительной страстью
На нож и на кол, в темницу, в костер,
Трепещущей жизни наперекор, —
Дьяволу в пасть!

Во имя призрака новой стихии
Вы данности град наскоком лихим
Сшибаете в грязь... меж тем как отнюдь
Не постарались в него заглянуть.
Ничуть не поняв сей данности цену,
Бросаетесь ей уж искать перемену.

Красиво! Красиво! — кричит вам молва:
Красивы дела ваши, жесты, слова!
Еще же прекрасней, когда цветом алым
На белой груди вашей кровь полыхает...

Ах, как красиво упал он, ах!
Какой это ужас! Какой это страх!
Романы, поэмы, песни и пьесы
Делают смерть вашу жуть интересной.

На сцене театра, на экране кино,
Вашу кровь разопьют как хмельное вино.
Разорвав на куски, вашу плоть уничтожат
Читатели, зрители, просто прохожие...

Безумству храбрых поем мы песню! —
Скажет писатель о вас известный,
Полулежа в теплом диване,
Пока жена его моется в ванной...
(Что стало б с искусством, коль не то безумие?..
право, не было б вас, — вас бы придумали!)

Вами зачитываются,
Вами засматриваются,
Вами захлебываются,
Ваши лица
Чеканят в профиль.
Вашу Голгофу
Приходит смотреть

Мира треть!
И ее искры зажигают новых
Безумцев, за вами идти готовых.

И никому недосуг в круговерти
Оспорить право смысла у смерти.
Куда там! Посмеешь лишь заикнуться,
Как нарекут отъявленным трусом.

Ловко же дьявол к рукам прибрал
Жизни людской маскарад-карнавал!
Чтоб уделить смерти большую жатву,
Он ее героизмом пожаловал.
Достойной, почетною, славною, красною...
Ну, просто не смерть, а нечто прекрасное!

Но вот круговерть остановлена. Ты
В ночи тут один у последней черты.
И праздных восторгов не слышен тут плеск:
Здесь явь той неяви, к которой ты лез.
Здесь дан тебе случай редчайший узреть
Изнанку геройства и вид своей смерти.

Смотри же, смотри на нее со всех глаз!
Вдыхай ее запах, смаку ее ритм!
Внимай сладкозвучию ее фраз,
И с нею об истине поговори!

Веселись же, достиг ты желаемой цели, —
Отдал себя за святой идеал.
Свободе отверз ты алтарные двери,
И веру свою воплотил ты в дела...

И в небе полночном, глядишь, засверкает,
В тот миг вожденный, когда навсегда
Простишься ты с жизнью, над сумрачным краем,
Прав личности новая супер-звезда!..

Так отчего ты угрюм, брат Джованни?
И почему ты так мечешься дико?
Праведным сном героя усни-ка,
И сникнут пусть боли твои, брат Джованни; —
Ты победил и достоин nirваны.

Спи, о тебе будут помнить потомки,
Быть может долго,
А может только
Год, и точнее сказать не потомки,
А близких знакомых твоих пара-тройка...

Что твердо могу тебе обещать
До гроба тебя будет помнить мать.
И гроб этот, кстати, того будет свойства,
Что всецело твоему обязан геройству..
Стой! — кричу я ему,
Мучителю моему,
Но не слышит стена,
И говорит сатана:

Полно! Полно!
Не входи в раж,
И не буди внимание стражи!..
Я перебрал малость, каюсь, каюсь..
Впрочем, загвоздка тут вот какая:
Кто как не ты к правде горькой зывал
Быть расположенным?
И уверял,
Что ложью
Не сокрыть никакой наготы..
Кто как не ты?
На поверку же мал
Оказался ты в споре:
Как тебе правду,
Так ты в ссору!

Но так и быть, не буду тиранить
Зазря твои открытые раны..
Хотя не понятно, с каких это пор
Стал милосердным слуга ваш, Укор?

Итак, красота, — на ней мы застряли.
Словом эти, в широком смысле,
Молва нарекает такие выси,
Каких не в силах достичь ее норма, —
Все, что за гранью удела соборного.

Я говорил: тут хитрость есть скрытая, —
Так смерть выкупает у жизни сытость;
Так гибель одних для других нечто вроде
Приемлемой нормы на совесть природы.
Так смертное жало, уменьшив стократно,
Безносая выглядит много приятнее...

Все ложь и ложь! Есть одна только суть:
Есть жизни мгновенья и их не вернуть!
Отсюда премудрость единственна — жить!
И каждым мгновением дорожить!

И нет для живого страшнее греха,
Чем им пренебречь и брать на верха
Несуществующих призрачных градов,
Надеясь найти в них покой и награду.

О, с тобою согласен я, много
В жизни ущербного и убогого.
Но ответь начистоту:
Не предпочел бы сейчас ущербность ту?
Впрочем, можешь и не давать мне ответа,
Можно ли сравнивать с чем-либо ЭТО?

Страшен, страшен обман сей коварный,
Он всем обманам земным обман.
И нет средь коварств ему ровни и пары,
И нет злее зла, неприметней капкана.

Им род человеческий поражен до края
С того самого смертного года
Когда отвергнув достаточность рая,
Он потянулся вкусить новостр плода.

Вкусил он, «познал»! С тех пор по сей день
Человек повторяет все то же движение:
Поддавшись гипнозу влияния змиева,
Он рая бежит. И не спасти его.

Абсурдность и вздорность же этой вины
Красивой словесностью обрамлены.
И чтоб уж совсем было разума мимо
Она почему-то зовется «во имя».
Как будто хотя б миллиарды имен
Могли оправдать скорбь одних похорон;
И будто бы имя реальной основы
Не стоило звуков бесплотного слова.

Во имя идеи, брат, гибнут тогда,
Когда от реального нет и следа!
«Познанием» было Адама падение, —
Он первый безумец по имя идеи.
Во имя — и муки, и смерть, и гроб каменный,
Во имя — и ад и ничто безымянное.

Везде, в каждом шаге Адамова рода
Мы видим героев из вашей породы.

Да, вы есть соль. Без вас немислим
Человечества вкус и истории письма... —
Вкус крови и смерти разгульной печати
Несете вы в мир от зачатья к зачатью.

Авантюристы, герои всех родов,
Святые, великие разных народов,
Катализаторы значимых действий, —
Все вы — поборники действия идей.
Восстания, войны, террор и казни —
Все это ваши дела и проказы!

Оставим на время в сторонке вопрос:
Чего больше в мир результат их принес?
Добра или зла, веселья или слез?
Гармонию установил или хаос?

Взглянем с другой стороны на явление,
С той, что для мира всегда скрыта тенью.
Со стороны той самой души,
Что себя отдавая, вершит
Миру свет и тьму перемен.
Спросим души посмертное мнение.

Вот была страсть и она вела
Тебя на свершения и дела
Во имя цели, ту страсть разжигающую
Огнем испепеляющего пожарища.

О, цель та действительно выше всех крас:
Она восхищает и сердце и глаз;
Желаннее нет ее в свете всем белом;
Достичь ее — нет благороднее дела.

На все ты готов за нее, за нее!
И пусть остальное хоть трижды сгниет!.. —
Ее ты воитель и рыцарь и меч,
И нет ничего, что достойно беречь,
Кроме нее — цели святой!
Ты за нее идешь в лютей бой...

Но вот пуля-дура впивается в грудь,
И вмиг обрывается нитью твой путь.
И вмиг отлетело все-все без разбора:
И страсти и цель со своими уборами.
Вместе с жизнью сгорел и ее мотылек...
Не сберег ты жизни, и ее не сберег.

Все!
Оборвалась нить,
И ее нет вить.

Остановились часы,
И их не спросить:
Рассвет или полночь?
Хотя стрелка у точки
Большая, подняла молоточек,
А стрелка малая
Далеко отстала...
Одинаково в наших глазах
Бесмысленны их показания.

Равно бессмысленно направлены оси,
Пусть далеко до боя или на сносях.
Бесмысленна точность их прежних работ.
Стоят и бессмысленно все. Смысл их — ход!

Отлетела жизнь и пропало
Все, что в ней было: большое и малое.
Снесла бурным паводком смертная сель
Одинаково тину бытья и цель.

Что же душе отлетевшей далось?
Настигла ли цели стремления ось?
Или настигнет когда уж отныне?
Или ту цель хоть на волос придвинет?

Что проку душе — за цель или так?
В награду досталась ей лишь пустота.
Ведь даже надежды уж нет излученья,
И даже уж нет к прежней цели влеченья.
И образ ее уж во тьме не сияет,
И встретив, душа ее не признает.

Кругом в дураках остается душа, —
Достигнуть она не смогла ни шиша:
Ни цели, ни прока... разве что для придирки
Сказать, получила от бублика дырку!
Наедине сама лишь с собою
Она остается. Да с вашим слугою.

Вот так расходятся в разные стороны
Цель и душа. А молва старым вороном
Слетает на труп, чтобы им прокормиться...
Так каждому смерть все разные лица
Обращает, каждому от добычи уделяет долю:
Душе — шиш, делам — славу, молве — пищи вволю.
Себе же самой в самый первый черед
Она жизни трепет дыханья берет...

...Погасла свеча, остыла постель
и дом в забвении опустел.
И ветер гоняет по полу листы
Недописанных мыслей и чувств. И висит
Плащ на вешалке, брошенный, черен как смоль,
И ткань его трогает времени моль...

Жизнь! Жизнь! Твои дивны зарницы.
В какой пенной пене ты вновь родишься?
Кому протянешь руки медовые?
Распустишься веснами цветом садовым?

Где ты, где? В каких синих далях,
Рассветными зорями осиянная,
Восходишь над лонными водами тальными
К струящимся высям: Осанна! Осанна!

В какой перламутра небесной кринице
Жемчужной росой омоет денница
Ясный лик, и явит свою царственность в мире...
В каком паришь золоченом эфире?

Где ты, образ потерянный? Миражем пустынным
Куда ты пропал? В какие сны канул?
И не вернуть тебя, не настичь,
И не увидеть за толщей камня.

Соскользнула рыбкой серебряной с рук,
Дымкой рассеялась над покинутым станом
Жизнь непонятая, и не проронится звук,
И не прошепчется ввек уж: Осанна...

Демон умолк.
Пропал его вид.
Тускло горит
Лампа за сеткой
Над дверью окованной.
Плащ на гвозде.
Разлинованные в клетку
Тени везде.

Говорю стене, говорю,
Все прошу ее дать ответ,
Все жалею на боль свою,
И след
От дыхания тает на каменной глади.
Все крадусь к чему-то сквозь зуд пустыни.

Мне с бессонницею не сладить,
Ее не сдвинуть.

Потерял я счет попыткам
Вылезти из трясины
Ночных пыток...
Бессильны они.
И влечет
Меня вглубь.

Но с последним дыханием стынущих губ
Кричу
Ночи
Наперекор:
Люблю!